

ВИДЕНИЕ В ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

=====
Копии текстов и иллюстраций для некоммерческого использования!!!
OCR & SpellCheck: Vager (vagertxt@inbox.ru), 27.05.2003
=====

А н н о т а ц и я р е д а к ц и и: Творчество писателя и историка Даниила Лукича Мордовцева (1830 – 1905) обширно и разнообразно. Его многочисленные исторические сочинения, как художественные, так и документальные, написанные, как правило, с передовых, прогрессивных позиций, всегда с большим интересом воспринимались современным читателем, неоднократно переиздавались и переводились на многие языки. Из богатого наследия писателя в сборник вошли произведения, тематически охватывающие столетие русской истории: "Сиденье раскольников в Соловках" (конец XVII века), "Державный плотник" (о Петре I) "Наносная беда" и "Видение в Публичной библиотеке" (время Екатерины II)

I would recall a vision which
I dream'a Perchance in sleep...

(Byron. "The dream")*

Ясный тихий июльский день клонится к такому же ясному тихому вечеру. Спускающееся где-то там, за финляндским горизонтом солнце обливает червонным золотом массивный купол Исаакия, острые шпицы Адмиралтейства и Петропавловский собор. Вдоль Невского тянутся привычные для глаз световые полосы от правой стороны к левой, а гигантская тень от Публичной библиотеки все вырастает и тянется все дальше и дальше.

* Виденье помню я, о нем я грезил
Во сне, быть может, – ведь безмерна мысль...
(Байрон. "Сон")
Пер. с англ. М. Зенкевича

Тихо в Публичной библиотеке. Время стоит летнее, жаркое. Учащаяся молодежь еще не съезжалась к приемным экзаменам, набирается сил среди родных полей и лесов; остальная петербургская интеллигенция отдыхает по дачам, по деревням, на водах; ученые люди делают свои летние ученые экскурсии; в Петербурге остаются только товарищи министров, наборщики да дворники. Читальные залы и отделения Публичной библиотеки пусты. Оттого и тихо так.

Только в Ларинской зале над большим столом наклонилась седая борода и шуршит жесткими пожелтевшими листьями старой книги. В "Россика", в углу, виднеется классическая фигура спящего сторожа. Тихо кругом, так тихо, точно на кладбище. Да это и в самом деле великое, мировое кладбище голов человеческих, гениальных, умных и – увы! глупых. Только извне в это тихое пристанище смерти и бессмертия доносятся неясные отзвуки жизни. То задрезжит нетерпеливый звонок конки, то прогремывает по глухому торцу извозчицья карета, отзовется где-то гармоника, и опять все тихо. На карнизах, за окнами, голуби хлопают крыльями об стены и гнусливо воркут. То прорежет воздух резкий писк стрижей – и словно растает в этом же воздухе.

Как тихо, как хорошо, как задумчиво работает среди этого могильного уединения, летом, в нашем драгоценном книгохранилище! Только тот, кто работает в нем летом и – раздумывался над отошедшею в вечность жизнью и мыслью людей, имена, чувства, деяния и помыслы которых как бы замурованы, словно египетские мумии в катакомбах, в этих бесконечных рядах массивных шкапов и витрин, только тот поймет чистые наслаждения, даваемые душе этой работой, а иногда и жгучую, обидную тоску о том, что все это, отошедшее в вечность, должно было бы быть не тем, чем оно было...

Удар крыльев голубя о стекло выводит седую бороду из задумчивости. Он встает и разминает окоченевшие от продолжительного сидения члены.

Влево, в мраморном кресле, с обращенным к западу бледным лицом